

Доля иностранного капитала в банковском секторе: вопросы методологии

А. В. Верников,

доктор экономических наук,

ведущий научный сотрудник Института экономики РАН

Временно оставив в стороне дискуссионную тему полезности или опасности иностранного банковского капитала для российской экономики, исследуем в данной статье сугубо методологический аспект, а именно измерение масштабов иностранного участия в системе коммерческих банков¹. Речь идет в первую очередь о прямом участии, т. е. об инвестициях нерезидентов² в капиталы банковских учреждений, зарегистрированных и действующих на территории России, в отличие от экспансии иностранного ссудного капитала в России по трансграничным каналам. Автор уже публиковал в журнале «Деньги и кредит» статью по данной тематике³, однако теперь возникла потребность внести некоторые уточнения методики расчета.

Корректность измерений существенно влияет на качество оценок и вытекающих из них рекомендаций. Часто приводятся данные, которые характеризуют хотя и похожие, но неодинаковые показатели. Так, иностранная доля в уставных капиталах может произвольно отождествляться с долей в собственных средствах или в активах. Показатели по 100%-ным иностранным дочерним банкам нередко выдают за данные по всем банкам с участием иностранных инвестиций. В итоге получается разноречивых количественных оценок участия иностранного капитала, служащих основанием для поспешных выводов и используемых в целях манипуляции общественным мнением. Сразу в большом числе публикаций, вышедших в первой половине 2006 г., утверждается, что доля иностранцев в капитале и активах банковского сектора скачкообразно возросла⁴. Так ли это?

* * *

На протяжении многих лет Центральный банк Российской Федерации регулярно рассчитывает и публикует данные об участии иностранных инвестиций в *уставном* капитале российских кредитных организаций. Преимущество этого способа оценки заключается в его транспарентности и стопроцентном охвате: учитываются абсолютно все взносы нерезидентов, включая и те, которые составляют менее 50% уставного капитала. Любой иной показатель, кроме взносов в уставный капитал, в меньшей степени подвержен столь точному и своевременному учету со стороны регулятора. Разрешительный порядок лицензирования, действовавший для иностранных инвестиций, стал главным инструментом *ex ante* (предварительного) контроля и регулирования суммарной накопленной массы этих инвестиций, а следовательно, и доли капитала нерезидентов в уставных капиталах российских банков, коль скоро общество предъявляет спрос на подобный контроль и регулирование⁵.

¹ Мы не ставим вопрос об участии капитала нерезидентов в национальной банковской системе в целом, как нередко пишут в российской периодике и даже научной литературе. Насколько нам известно, в центральном звене национальной банковской системы – Банке России – никакой экспансии иностранного капитала до сих пор не зарегистрировано. Речь может идти только о *системе коммерческих банков*.

² Нас интересуют, разумеется, лишь нерезиденты, являющиеся конечными бенефициарными владельцами, а не зарегистрированные в офшорах номинальные держатели акций российских банков.

³ Верников А. В. Оценка масштабов присутствия иностранных банков. – Деньги и кредит. – 2002. – № 1. – С. 25 – 30.

⁴ Эксперт. – 2006. – № 1 – 2. – С. 30; Ведомости. – 2006. – № 31 (1558). – 22 февраля; Секрет фирмы. – 2006. – 6 марта.

⁵ Недостаток разрешительного порядка в отношении иностранных инвестиций является зеркальным отражением его основного достоинства – это низкая оперативность принимаемых решений, что стало тормозить рост капитализации банков через механизмы фондового рынка, где должны обращаться банковские акции. На это Банк России своевременно ответил мерами по либерализации перехода из рук в руки (в том числе под контроль нерезидентов) пакетов банковских акций величиной до 10%. Разрешительный порядок заменяется уведомительным.

В номинальном выражении иностранное участие в капитале российских кредитных организаций имело за последние годы следующую динамику (рис.1). Общая сумма инвестиций нерезидентов в уставные капиталы действующих кредитных организаций на 1 января 2006 г. составила 49,554 млрд рублей.

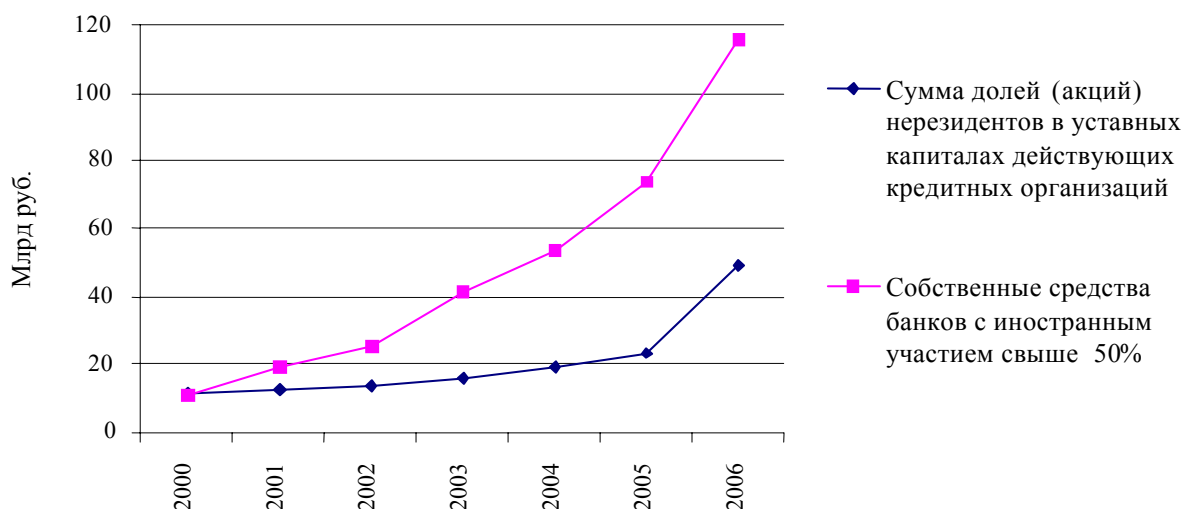

Рис. 1. Иностранное участие в капиталах российских банков (в млрд руб., на начало соответствующего года)

Источник: рассчитано по данным Банка России (Обзор банковского сектора Российской Федерации. – Интернет-версия; Информация о кредитных организациях с участием нерезидентов).

Доля в совокупном уставном капитале как показатель номинального присутствия нерезидентов может искажать реальные масштабы деятельности иностранного капитала в банковском секторе России. Поскольку большинство пруденциальных нормативов привязано к величине *собственных средств (капитала)*, то именно она, а не доля в уставном капитале, позволяет судить о масштабах деятельности данных кредитных организаций. Кроме того, показательна доля банков, контролируемых капиталом нерезидентов, в совокупных *активах* коммерческих банков. Напомним динамику этих показателей (рис. 2).

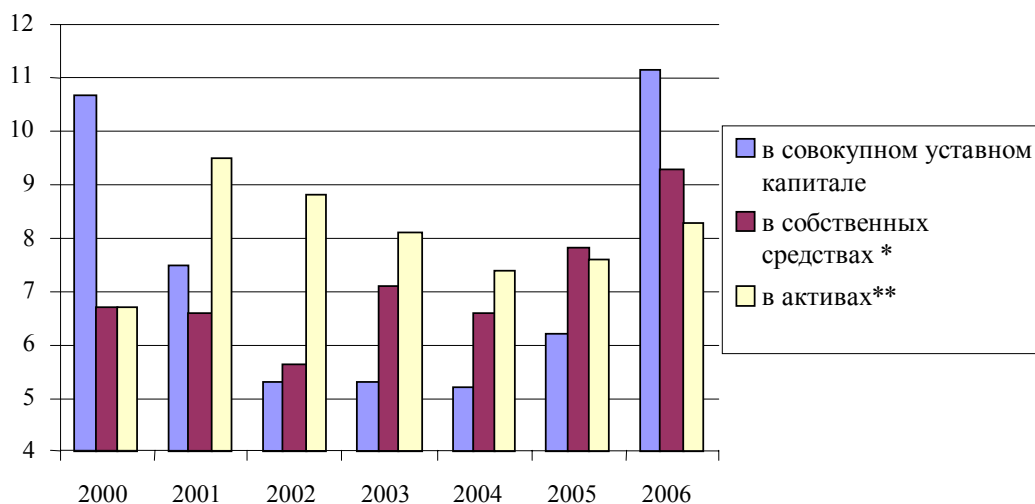

Рис. 2. Доля иностранного капитала в российских кредитных организациях (в %, на начало соответствующего года)

*, ** Только по кредитным организациям с иностранным участием в уставном капитале свыше 50%.

Источник: Банк России. Обзор банковского сектора Российской Федерации (Интернет-версия) – за соответствующие периоды.

Если брать отрезок 5 – 10 лет, то динамика иностранной доли в зарегистрированном уставном капитале и динамика доли в совокупном капитале действующих банков являются в целом однонаправленными, как и положено взаимосвязанным параметрам. Однако по состоянию на конкретную отчетную дату один из этих показателей может превышать другой или отставать от него. Причина заключается в наличии *временного лага* между внесением средств в уставный капитал и ростом капитала в результате успешной деятельности банка и капитализации прибыли. Еще одно объяснение кажущейся волатильности относительных показателей – это неравномерная динамика уставного капитала и собственных средств по банковскому сектору в целом. По данным Банка России, на 1 января 2006 г. иностранная доля в уставном капитале составила 11,2%, в собственных средствах – 9,3%, а в активах – лишь 8,3%. Однако всего за один квартал 2006 г. – на 1 апреля 2006 г. – она выросла до 10,8% и в собственных средствах, и в активах, практически сравнявшись с долей в уставном капитале¹.

* * *

В конце прошлого десятилетия практически единственной формой участия иностранного капитала в банковском секторе России (если не считать консорциальный по структуре капитала Международный московский банк) были 100%-ные дочерние иностранные учреждения. В такой ситуации вполне можно было обобщать и экстраполировать показатели и тенденции развития 100%-ных дочерних банков на остальные организации. И сегодня накопленные взносы в капиталы 100%-ных дочерних банков пока преобладают в структуре иностранных вложений – на них пришлось к началу 2006 г. 82,6% общей суммы (см. рис. 3). В капиталы же банков с иностранным участием более 50, но менее 100% было внесено лишь 3,1% всех инвестиций.

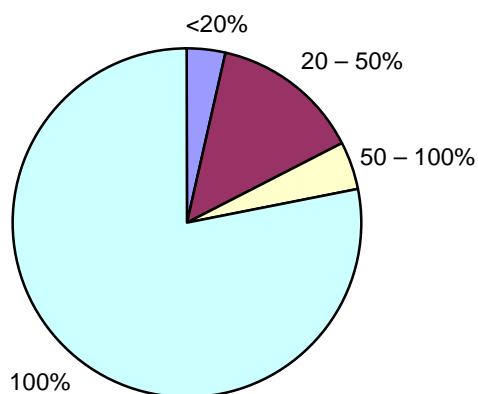

Рис. 3. Распределение вложений в зависимости от доли иностранного участия в кредитной организации (накопленный остаток на начало 2006 г., в %)

Рассчитано по данным Банка России: Информация о кредитных организациях с участием нерезидентов на 1 января 2006 года.

К середине нынешнего десятилетия в России, как и ранее в других странах с развивающимися рынками, начинается более активное освоение альтернативных каналов проникновения иностранного капитала на рынок – через частичное или полное приобретение местных банков и через портфельные вложения. В результате, например, развивается прослойка банков, где иностранное участие составляет более 20 и менее 50%. По мере созревания инфраструктурных, институциональных и макроэкономических предпосылок повышается значение портфельных иностранных инвестиций в российские банки. Следовательно, при дальнейшем анализе необходимо будет более полно учитывать нетождественность

¹ Банк России. Обзор банковского сектора Российской Федерации (Интернет-версия). – № 43. – 2006. – Май. – С. 10.

Научно-прикладные исследования

понятий «дочерний иностранный банк», «кредитная организация, контролируемая нерезидентами», и «банк с участием иностранного капитала».

Возникает *методологический вопрос* – как учесть показатели банков, капитал которых лишь частично принадлежит нерезидентам, при оценке общих масштабов иностранного контроля над *активами* национальной банковской системы.

Упрощенная структуризация банковского сектора (национальные частные банки – государственные банки – иностранные дочерние банки и филиалы) уместна лишь там, где эти формы собственности существуют в достаточно чистом виде, т. е. одни банки полностью принадлежат государству, другие – частному национальному капиталу, третьи – иностранным владельцам. При такой ситуации вполне корректен расчет «иностранной» доли на рынке через суммирование долей банков, в которых преобладает иностранный капитал. Когда же происходит диффузия форм собственности – например, через частичную приватизацию в пользу иностранцев либо через размещение акций на фондовых рынках (ИРО), особенно зарубежных, – то примитивное сложение здесь становится некорректным. Скажем, если иностранный акционер банка обладает 50%-ным пакетом, то плюсование всей величины активов данного банка приведет к двойному счету и завысит масштабы иностранного контроля. Чтобы избежать этого, необходимо различать «иностраный контроль» и «иностранное участие». Если при расчете «иностранного контроля» включаются показатели банков, контролируемых капиталом нерезидентом на 50% и более (либо на 40% и более – см. выше), то «иностранное участие» рассчитывается по-другому:

$$F = \sum A_i \times S_i,$$

где F – принадлежащие иностранному капиталу банковские активы, A_i – сумма активов данного банка, S_i – иностранное участие в уставном капитале данного банка.

В своем исследовании 2000 г. специалисты МВФ применили оба способа расчетов и сопоставили «иностранное участие» в совокупных банковских активах с «иностраным контролем» по большой группе развивающихся и переходных стран (см. табл.). Приведенные в таблице данные несколько устарели и выглядят заниженными, однако мы приводим их лишь в качестве иллюстрации.

Таблица

Иностранное участие в банковских системах развивающихся и переходных экономик
(доля в активах, на конец 1999 г., в %)

Страны	Иностранное участие	Иностраный контроль*	Иностраный контроль**
Чехия	47,3	49,3	50,7
Венгрия	59,5	56,6	80,4
Польша	36,3	52,8	52,8
Турция	1,6	1,7	1,7
Аргентина	41,7	48,6	48,6
Бразилия	18,2	16,8	17,7
Чили	48,4	53,6	53,6
Колумбия	16,2	17,8	17,8
Мексика	18,6	18,8	18,8
Перу	33,2	33,4	33,4
Венесуэла	34,7	41,9	43,9
Южная Корея	11,2	4,3	16,2
Малайзия	14,4	11,5	11,5
Таиланд	6,0	5,6	5,6

* Суммарная доля активов банков, капитал которых контролируется иностранцами на 50% и более, в совокупных банковских активах страны.

** То же, но на 40% и более.

Источник: International Capital Markets. Developments, Prospects, and Key Policy Issues. – Wash., DC: International Monetary Fund. – September 2000. – P. 153.

Между обоими показателями наблюдается тесная корреляция, что совсем неудивительно, но есть и расхождения, порой довольно существенные (Венгрия, Польша, Венесуэла, Южная Корея). В случае Чили выбор того или иного способа расчета изменил бы знак оценки – больше или меньше половины национальных банковских активов под иностранным контролем? Как правило, «иностраный контроль» несколько превышал «иностранное участие», хотя зарегистрированы и обратные примеры (Таиланд, Малайзия). Это обычно имеет место в странах, где иностранный капитал владеет субконтрольными пакетами крупных местных банков.

Из таблицы видно, что эксперты МВФ выделили две разных градации иностранного контроля над индивидуальным банком – традиционную (свыше 50% капитала) и более либеральную (свыше 40%). За счет такой коррекции показатель общего иностранного контроля возрос по Южной Корее почти в 4 раза, по Венгрии в 1,5 раза¹. Еще несколько лет назад в России не было и не предвиделось ни одного банка, попадающего в данную категорию – от 40 до 50%, поэтому в 2002 г. мы сочли данный вопрос сугубо академическим и не имеющим отношения к нашей реальности, однако теперь вынуждены вернуться к нему. Появление кредитных организаций с таким уровнем участия капитала нерезидентов становится вполне вероятным, вследствие возможного перехода в руки иностранцев крупных пакетов акций государственных и частных российских банков.

Возможность произвольного понижения и повышения пороговой величины контроля ставит еще один важный *методологический вопрос*: является ли 50% плюс одна акция единственно возможным водоразделом между контролем и «не-контролем». На эту тему за рубежом существует определенная литература, причем теоретики менеджмента не дают четкого и однозначного ответа относительно количественной границы контроля.

Формально-юридический ответ по поводу границы контроля не всегда дает ключ к пониманию многообразных ситуаций, складывающихся на практике в банках стран с переходной экономикой. Размер пакета акций, пусть даже формально означающий контроль, здесь не всегда гарантирует акционеру возможность осуществить свои права. Д. Григорян и В. Манолу² предложили считать 30%-ную долю в капитале границей контроля со стороны одного или группы иностранных акционеров, однако большинство специалистов по банковскому сектору переходных стран не согласны с этим и не считают целесообразным понижать планку ниже уровня 50%³. Несмотря на это, мы полагаем, что для полноты картины иностранного участия имеет смысл учесть с помощью приведенной выше формулы также и *неконтрольные пакеты акций* в руках нерезидентов независимо от того, какой уровень будет признан контрольным. Наиболее оправдано это было бы в тех случаях, когда иностранный акционер является профильным – банк или банковский холдинг. Во-первых, при наличии заинтересованности и доброй воли у мажоритарного акционера даже миноритарное участие иностранцев в капитале может давать им заметную роль в управлении деятельностью и в развитии банка. Во-вторых, приобретение иностранным стратегическим инвестором миноритарного участия чаще всего является первым шагом по наращиванию своего представительства в капитале данной кредитной организации; нередко заключаются неизвестные третьим лицам опционные соглашения и договоренности, позволяющие иностранному акционеру докупать акции вплоть до установления полного контроля. Наконец, присутствие стратегического инвестора в составе акционеров немедленно начинает сказываться на качестве управления и эффективности кредитной организации, характере и процедуре принимаемых в ней кредитных решений, качестве управления всеми видами рисков – от операционных до репутационных, на структуре активов и пассивов.

Может возникнуть впечатление, что приобретение иностранным инвестором прямого участия в капитале, не позволяющего осуществлять контроль над банком, создает качественно отличную – и более благоприятную – ситуацию по сравнению с дочерними иностранными банками и особенно филиалами. Здесь не возникают дополнительные риски, обычно ассоциируемые с иностранным контролем (соображения «национальной экономической безопасности»), стабильность национальной финансовой и денежной системы, доступность кредитных ресурсов для отдельных категорий национальных заем-

¹ International Capital Markets. Developments, Prospects, and Key Policy Issues. – P. 153 – 154.

² Grigorian D., Manole V. Determinants of Commercial Bank Performance in Transition: An Application of Data Envelopment Analysis. World Bank Policy Research Working Paper 2850. – Wash., DC: The World Bank. – June 2002.

³ См., например: Bonin J., Hasan I., Wachtel P. Bank Performance, Efficiency and Ownership in Transition Countries. – Journal of Banking and Finance. – 2005. – Vol. 29. – Issue 1. – P. 31 – 53.

щиков и т. п.). Насколько это справедливо – во многом зависит от *профиля* (типа) данного иностранного инвестора и даже от числа иностранных акционеров. Профиль иностранного инвестора («стратег» или финансовый инвестор?) – далеко не нейтральный фактор. Дж. Бонин и его соавторы не случайно выделяют две различных категории банков, большая часть капитала которых принадлежит иностранцам, – банки, где есть один стратегический иностранный инвестор, и прочие. «Банк со стратегическим иностранным инвестором – это тот, который преимущественно принадлежит и контролируется одним иностранным владельцем. Хотя группа иностранных владельцев может держать 30%-ный пакет акций, но контролирующим владельцем вполне может быть государство с остающейся в его руках крупной долей либо даже инсайдеры банка (менеджмент) в отсутствие доминирующего внешнего владельца»¹. Таким образом, даже небольшой пакет в руках «стратега» может обеспечить ему контроль, но зато гораздо более значительная суммарная доля капитала у группы непрофильных иностранных инвесторов не обязательно такой контроль гарантирует.

В России общественное мнение настроено против перехода ключевых банков под контроль непрофильных инвесторов за границей и их встраивания в некие глобальные структуры, поэтому появление в качестве контролирующего акционера небанковского учреждения может восприниматься как более приемлемое и менее опасное с точки зрения так называемой «десуверенизации». Это не совсем так. Во-первых, любые финансовые инвесторы, равно как и международные финансовые организации, рано или поздно попытаются продать данный актив стратегическим инвесторам. Во-вторых, нестратегический инвестор не снижает степень риска для принимающей стороны. Наиболее известный случай неудачной иностранной инвестиции в банковский сектор страны Восточной Европы связан как раз с непрофильным инвестором: японская компания Nomura приобрела в Чехии Инвестиционно-почтовый банк (IPB), который вскоре оказался в тяжелом финансовом положении, потребовавшем срочного вмешательства властей. Профильные инвесторы гораздо реже попадают в подобные ситуации.

Портфельные иностранные инвестиции (менее 10% акций или долей) в российские банки до сих пор не получили широкого распространения. В качестве акционеров обычно выступали инвестиционные фонды и международные финансовые организации, а не стратегические операторы, причем роль иностранных акционеров обычно оставалась пассивной. Наиболее привлекательным и практически единственным значительным объектом вложений были и остаются акции Сбербанка России, держателями которых выступают иностранные инвестиционные фонды, а общая доля нерезидентов оценивается на уровне 18%.

Воспользуемся таким инструментом анализа, как статистика платежного баланса, и в частности публикуемая Банком России международная инвестиционная позиция банковского сектора России (рис. 4, 5).

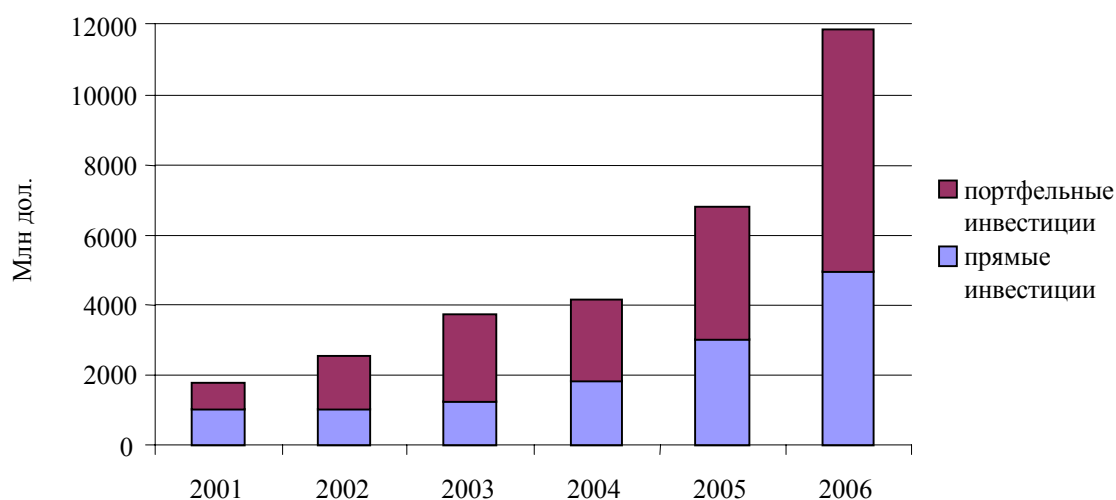

Рис.4. Иностранные инвестиции в банковский сектор России (накопленный остаток на начало года)

¹ Bonin J. etc. Op. cit. – P. 35.

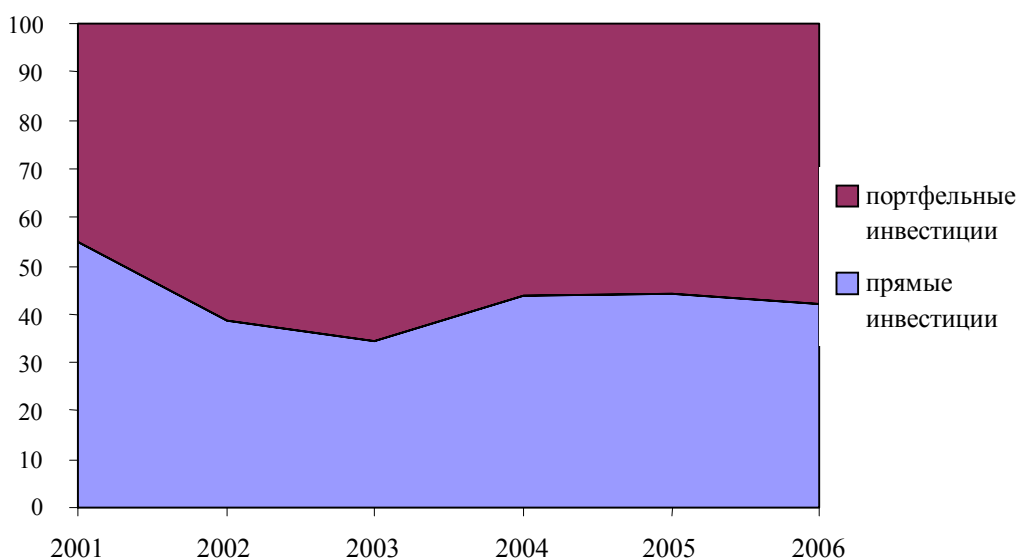

Рис.5. Структура иностранных инвестиций в банковский сектор России (накопленный остаток на начало года)

Источник: данные Банка России (Бюллетень банковской статистики – за соответствующие периоды; Международная инвестиционная позиция банковского сектора Российской Федерации 2005. – Интернет-версия).

Данные платежного баланса свидетельствуют: к началу 2006 г. банковская система страны привлекла прямых и портфельных иностранных инвестиций на общую сумму 11,8 млрд дол. накопительным итогом¹, т. е. около 341 млрд руб. по обменному курсу на эту дату. Напомним, что сумма долей (акций) нерезидентов в уставных капиталах кредитных организаций составила на ту же дату около 50 млрд руб., а сумма собственных средств кредитных организаций, более чем на 50% принадлежащих нерезидентам, – 115,5 млрд руб. (см. рис. 1), причем не весь этот капитал принадлежит нерезидентам. Интерпретация столь значительного расхождения заслуживает отдельного исследования. Свою роль здесь сыграл целый ряд методологических факторов, включая метод определения цены финансовых активов в целях отражения в платежном балансе (рыночный или балансовый?), способ учета реинвестируемой прибыли в накопленном объеме иностранных инвестиций², а также курсовые разницы при пересчете уставного фонда и собственных средств банка из одной валюты в другую.

Независимо от причин имеет место серьезная недооценка портфельных инвестиций в российские банки, прежде всего в Сбербанк России, как канала притока иностранного капитала. Вопреки распространенному представлению, портфельные инвестиции в банковский сектор уже составляют свыше половины общих иностранных капиталовложений. Внимание регулятора, общественности, политиков и ученых было настолько приковано к проблеме дочерних иностранных банков и несуществующих филиалов, что невольно упустили более значительный по масштабам поток портфельных иностранных инвестиций, хотя вся статистическая информация была в открытом доступе (см. рис. 5).

Часть портфельных вложений, видимо, осуществлялась через «серые» схемы, с тем чтобы избежать регулирования процесса купли-продажи, поэтому они нашли отражение в платежном балансе, но «выпали» из поля зрения банковского регулирования. К объему прямых и портфельных инвестиций следовало бы добавить также часть «прочих инвестиций» и особенно долгосрочных ссуд и займов (к началу 2006 г. – свыше 26 млрд дол.), поскольку с их помощью материнские банки могут капитализировать свои дочерние учреждения в России. Однако мы пока не в состоянии предложить количест-

¹ Международная инвестиционная позиция банковского сектора Российской Федерации 2005 – http://www.cbr.ru/statistics/credit_statistics/print.asp?file=iip_bs_05.htm.

² В этом отношении существуют методологические расхождения между данными Банка России и Росстата.

венную оценку данного потока инвестиций, поэтому ограничиваемся прямыми и портфельными вложениями.

В силу некой интеллектуальной традиции, российские специалисты считают портфельные вложения менее «качественным» видом вложений, чем прямые иностранные инвестиции¹. Именно динамика и относительные объемы прямых инвестиций обычно принимаются за индикатор состояния инвестиционного климата в стране, хотя эта роль по справедливости должна принадлежать портфельным инвестициям, динамика которых отражает гораздо более широкий набор экономических и институциональных факторов. Как заметил российский исследователь В. Р. Евстигнеев, ««заикленность» на прямых капиталовложениях свидетельствует о неразвитости экономики, о присутствии в ней запрительно высоких для инвестора скрытых рисков. Прямые вложения, в том числе иностранные прямые инвестиции, – это во многом способ снизить такие невидимые риски. Эти инвестиции основаны на доверии к данному конкретному партнеру, а не к данному национальному рынку. Разница не просто существенная, а принципиальная, определяющая»².

* * *

Теперь попытаемся оценить эффект, который оказало бы осуществление некоторых инвестиционных проектов в банковском секторе России с точки зрения участия иностранного капитала. Для большей иллюстративности сделаем следующие *допущения* и корректировки по отношению к данным на 1 января 2006 года:

- (а) капитал и активы Импэксбанка полностью перешли под контроль нерезидентов;
- (б) доля нерезидентов в акционерном капитале крупнейшей в стране кредитной организации – Сбербанка России – сохраняется на уровне нынешней оценки (18%)³;
- (в) завершена сделка по продаже трети капитала Газпромбанка германскому Dresdner Bank;
- (г) завершена сделка по продаже 10% акций Росбанка французскому банку Société Générale;
- (д) в иностранное владение перешло не менее 10% капитала Внешторгбанка через участие нерезидентов в торговле акциями данного банка на фондовом рынке⁴.

Наш расчет показывает, что при соблюдении всех перечисленных выше условий находящаяся под контролем нерезидентов доля капитала российской банковской системы оказалась бы на 6,1% больше, доля активов – на 7,5% больше. Поскольку некоторые из этих условий уже фактически осуществились, то можно говорить о 15 – 16%, т. е. вдвое больше, чем сегодняшний удельный вес 100%-ных дочерних иностранных банков. Вспомним, что в своем программном документе «Национальная банковская система России 2010 – 2020» Ассоциация российских банков предлагала установить на переговорах по вступлению России в ВТО предельный уровень участия иностранного капитала в активах и капитале российской банковской системы на уровне 20% на период до 2010 г. и 30% на период до 2020 г.⁵ Представляется, что уровень 20% может быть достигнут гораздо раньше.

Для оценки степени иностранного контроля над финансовыми активами страны цена покупки акций не имеет значения: иностранный инвестор получает контроль над определенным пакетом акций, которому условно соответствует определенная доля активов данного банка. Точно такой же величиной активов может обладать дочерний иностранный банк. Однако с точки зрения платежного баланса разница есть. При оплате иностранным учредителем уставного капитала внесенные средства учитываются по номиналу, а продажа нерезидентам акций действующего российского банка через механизмы фондового рынка позволяет получить более высокую цену за контроль над находящимися на балансе этого банка финансовыми активами такой же величины. Иностранному инвестору платит при покупке контрольных пакетов акций существенную премию к балансовой стоимости (book value) – до 300%. И

¹ Волатильность прямых иностранных инвестиций ниже, чем портфельных; они часто сопровождаются участием иностранного акционера в управлении, передачей технологии, капитализацией прибыли и т. д.

² Конкурентоспособность России в глобальной экономике / Под ред. А. А. Дынкина и Ю. В. Куренкова. – М.: Международные отношения. – 2003. – С. 98.

³ Эксперт. – 2006. – № 1 – 2. – С. 31.

⁴ Аналогичные допущения и предположения о переходе пакетов акций банков в руки иностранцев уже делались в периодической печати. См.: Ведомости. – 2006. – № 31 (1558). – 22 февраля.

⁵ Программа «Национальная банковская система России 2010 – 2020». – М.: Ассоциация российских банков. – 2006. http://www.arb.ru/site/docs/NBS_10-20_240306.doc.

если предположить, что выручка от продажи акций нерезидентам поступает в страну, то возникает поток входящих инвестиций, в несколько раз превосходящий величину взноса иностранных учредителей в капитал своих дочерних кредитных организаций в России. Следовательно, осуществление планов частных российских владельцев и государства по привлечению инвестиций в принадлежащие им банки позволило бы привлечь свежих иностранных инвестиций на несколько миллиардов долларов.

Таким образом, акцент смещается с относительной доли иностранного капитала в банковской системе (которая сама по себе мало что означает и контролировать которую, видимо, бессмысленно) к получению адекватной цены за приобретаемые нерезидентами финансовые активы. Именно в этом направлении на практике прилагают усилия некоторые дальновидные представители банковского сообщества, которые требованиями об ограничении иностранной экспансии стремятся повысить для стратегического инвестора цену самостоятельного вхождения на рынок России и тем самым сформировать благоприятную для себя конъюнктуру продажи принадлежащих им финансовых активов.

Хотя статья посвящена только прямому иностранному присутствию, мы все же обязаны оговориться, что концентрация внимания исключительно на прямом участии нерезидентов в банковском секторе дает превратное представление об истинных масштабах деятельности иностранного банковского капитала в экономике той или иной страны. Расчеты показали, что объем трансграничной задолженности нефинансового частного сектора России иностранным банкам примерно в три раза превышает их задолженность по кредитам, полученным от дочерних иностранных банков¹. Эта пропорция сильно варьирует между странами с переходной экономикой. По нашему мнению, расширение кредитования через дочерние иностранные банки предпочтительнее по сравнению с привлечением российскими компаниями финансирования напрямую из-за границы, поскольку иностранные инвестиции – как прямые, так и портфельные – в конечном итоге выгоднее для национальной экономики, чем трансграничное кредитование.

* * *

Проблематика участия иностранного капитала в национальной банковской системе остается в центре внимания профессионального сообщества и широкой общественности. На эту тему проводятся конференции и семинары, ей посвящаются целые номера банковских журналов и тематические передачи в электронных СМИ. По мнению автора, данная тема не заслуживает придаваемого ей значения. Изучение реальных эффектов от деятельности иностранных банков в переходных экономиках демонстрирует, что отдельной «проблемы иностранного капитала» не существует – она опирается на набор мифов и лишь отвлекает от решения острых подлинных проблем, стоящих перед российскими банками, – например, нехватки доверия к ним или их недостаточной капитализации. Тем не менее, раз уж вопрос о масштабах иностранного участия в банках столь чувствителен, то нужно использовать более тонкие методы при оценке общей массы иностранного капитала и находящихся под его контролем банковских активов. Уточнение метода расчета путем включения миноритарных иностранных частей и портфельных инвестиций дает неожиданный результат. Фактический режим иностранных инвестиций в банковский сектор России оказывается более либеральным, чем провозглашаемый и отстаиваемый на переговорах с ВТО, а основная «угроза» исходит не оттуда, откуда ее обычно ждут (дочерние банки и филиалы). Каналом проникновения в банковскую систему стали прямые и портфельные иностранные инвестиции в крупные национальные учреждения – как частные, так и принадлежащие российскому государству. ■

¹ Рассчитано автором с использованием данных Банка России и Банка международных расчетов (Базель). См. подробнее: В е р н и к о в А. В. Иностранные банки в переходной экономике (сравнительный анализ). – М.: ИМЭПИ РАН. – 2005. – С. 31.